

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16—18 июня 2016

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК КАТАЛИЗАТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ.
КАК ПРЕДОТВРАТИТЬ РЕАКЦИЮ?

16 июня 2016 г., 10:15—11:30

Конгресс-центр, Конференц-зал D4

Санкт-Петербург, Россия

2016

Модератор:

Ирина Россиус, Телеведущая, телеканал «Россия 1»

Выступающие:

Леонид Григорьев, Главный советник руководителя, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации

Антон Дроздов, Председатель правления, Пенсионный фонд Российской Федерации

Джим Костанцо, Партнер, руководитель глобальной практики по консультационным услугам в области здравоохранения, компания EY

Ярослав Лисоволик, Главный экономист, Евразийский банк развития (ЕАБР)

Жосеф Мускат, Премьер-министр Республики Мальта

Сирил Мюллер, Вице-президент по Европе и Центральной Азии, Группа Всемирного банка

Марк Фарха, Профессор, Doha Institute for Graduate Studies

Андреас Шааль, Глава офиса шерп и блока глобального управления, ОЭСР

И. Россиус:

Итак, сегодня мы собрались на очень интересную сессию: «Социальное неравенство как катализатор нестабильности. Как предотвратить реакцию?» Конечно, речь идет о негативной реакции.

Прежде чем начать нашу сессию, я представлю всех участников: главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации Леонид Григорьев; председатель правления Пенсионного фонда Российской Федерации (ПФР) Антон Дроздов; партнер, руководитель глобальной практики по консультационным услугам в области здравоохранения компании EY Джим Костанцо; главный экономист Евразийского банка развития (ЕАБР) Ярослав Лисоволик; премьер-министр Республики Мальта Жозеф Мускат; вице-президент по Европе и Центральной Азии Группы Всемирного банка Сирил Мюллер; профессор Doha Institute for Graduate Studies Марк Фарха и глава офиса шерп и блока глобального управления ОЭСР Андреас Шааль.

Мы знаем, что живем в довольно сложном мире: происходят глобальные изменения, случаются экономические кризисы, возникают чрезвычайные ситуации. И уже в скором времени 50% мирового ВВП может быть сосредоточено в руках наиболее богатых слоев — 1% населения планеты.

Первый вопрос к господину Мюллеру. У вас имеется многолетний опыт исследования разных стран. С социальным неравенством сталкиваются все страны, и в развитых сформированы системы социальной защиты, но времена меняются — как быстро страны реагируют на эти изменения? Например, Европа сейчас тратит достаточно большие деньги на мигрантов, смогли ли они обратить эту ситуацию себе на пользу? Мы видим, что трудовая реформа во Франции едва не сорвала Евро-2016. Каков ваш взгляд на эту проблему?

C. Muller:

Thank you very much. These are very difficult questions you are asking. Let me start by maybe framing why the World Bank would care about these issues. The World Bank has two global goals: the first is to end extreme poverty by 2030, and the second is to build what we call shared prosperity. So, actually, the World Bank has as a goal to build, or to try to help build, a global economy in which prosperity is shared. And we look at shared prosperity by looking at how the bottom 40% of the population is doing compared to the whole of the population. I just wanted to share with you – and I promise I am not trying to escape the very difficult questions you asked – a few related thoughts.

The first is that the best engine for improving income for the population across the world, be it the bottom 40% or the whole of the population, is actually to grow. Economic growth is essential. When we discuss the impact of rising inequality, we have to understand that, if you do not grow, dividing a pie that is shrinking is very unlikely to be satisfactory for the people. So, if you look on the left-hand side of the graph, you will see on the vertical axis how the bottom 40% of the population has been growing and how the total population has been growing during the period 2008–2013. That straight line you see at 45° means that the bottom 40% would be growing at the same pace as the whole of the population. So, in any country that is above that line, the bottom 40% of the population is doing better over time than the whole of the population. You will see, by plotting all of these countries, that if you look at that period and compare across countries, the bottom 40% of the population has done okay. You will also see that a few of the countries that are below that line are countries that have gone through very significant crises or traumas. Greece is there, for instance, as well as Cyprus. It also means that, if you want the bottom 40% of the population to grow, the graph clearly shows that where that has happened the most has been in countries with the highest economic growth. I wanted to share that with the panel because I think that, even though it is somewhat self-evident, it is also very, very important.

The second point I wanted to bring up relates to some very interesting research focusing on the period 20 years before the financial crisis. You plot every individual in the world about whom you have information on how they are doing and how they have participated in growth. On the left-hand side you have the whole world, and that is what I will focus on. If you look at that, you will see that, between 1998 and 2008, this has been a world in which the poor segments of the population and what you would call the middle class of the whole world has actually done very well. Basically, what you see is that rising inequality has mostly been focused in the richer countries. In the graph, you see that this issue affects the top 80% of the population in the world in terms of income. That basically means high-income countries. So, the perception we have is heavily tilted. The middle class of the whole world has done very well, but perhaps the middle class of the advanced world has not fared so well.

I wanted to share two more thoughts before answering the questions. One is that, in this part of the world – what is called here ECA, which is Europe and Central Asia – one of the main challenges we have been facing over the last 15–20 years has been creating jobs. And that will be part of my answer. I think one of the big challenges has been that income from labour, from jobs, has been decreasing as a share of total income. So you will have seen that there has been very strong wage growth in Europe and Central Asia throughout that period, but, on the other hand, employment growth has not matched this wage growth. Europe and Central Asia face a real challenge when it comes to creating new jobs. So, if you will, income has improved through jobs, but this income is less shared.

To answer the questions you raised, I think it is very important for us to think about three things. One, we need to grow; economic growth is extremely important. Second, that economic growth needs to be shared. When you consider how to go about sharing it – and that is why I wanted to bring employment into this – you see that jobs matter enormously. Today, part of the question you ask relates to the challenge presented by the threat of having generations of currently young people

who will be unemployed for a very significant period of their lives and who, as they are unemployed, will be unable to participate in the economy and will lose their skills. So, in a global economy where competitiveness goes all the way to the individual, it is the ability of all individuals to participate that matters.

You also ask whether countries can afford to protect their citizens. I think the track record shows that countries are doing better when it comes to protecting their citizens than they used to, in terms of social programmes and in terms of the effectiveness of those programmes. If you spend a certain amount to protect citizens, the world does learn to do it more effectively. And that is very important. I think in all of this period of low global growth, and we have to admit that it is a disappointing level of global growth, it is particularly important that public expenditure is effectively used to protect vulnerable populations. Building that model of an economy in which you share in prosperity and in opportunities is very important.

You also asked whether concentration is becoming an issue. In one of the graphs you will see that, indeed, the top 1% is growing faster than other segments. I think there, it is partly up to public policies to make sure that governments have redistributive abilities, but also that global wealth is used for productive purposes. So, on the glass-half-full versus glass-half-empty spectrum, I would say the glass is half full but with strong head winds facing us.

И. Россиус:

Я хочу спросить про Швейцарию: недавно в ней прошел референдум по вопросу о гарантированном доходе. Народ проголосовал против предложения выдавать каждому швейцарцу по две с половиной тысячи франков. Казалось бы, эта отличная социальная программа позволит всем гражданам Швейцарии находиться примерно на одном уровне; но сами граждане решили, что им это не нужно. Что их испугало, и почему не прошел этот референдум, как вы думаете?

C. Muller:

Do I answer as a representative of the World Bank or as a Swiss citizen myself? Actually, I did not vote in that referendum. I think there are two levels here. The question that was put to voters related to a basic income that was, you could say, way above what would protect you from vulnerability and poverty. I think the Swiss voters were probably wondering whether that might not be excessive. So I would say, and the World Bank thinks so as well, that it is very important to make sure you protect your vulnerable populations. We are, for instance, not at all opposed to a basic income, as long as it is properly developed. I think people see that there is a balance between wanting to have opportunities and using them – so, in a way, participating – and the wish to be protected. So that is what I would say, but my fellow citizens of Switzerland voted on their own and we are known for being quite independently minded.

И. Россиус:

Большое спасибо за ответ.

Теперь вопрос Андреасу Шаалю. Всемирный банк говорит, что справится с бедностью к 2030 году. Разделяете ли Вы такие оптимистичные прогнозы? Как технологический прогресс способствует решению задач? Или, наоборот, мы сталкиваемся с проблемой нехватки рабочих мест? Как доступ к образованию, к медицине влияет на сокращение социального неравенства?

A. Schaal:

Thank you, Chair. It is a pleasure to be with all of you here to discuss this important topic of the world economy. We very much share the goal of the World Bank to end world poverty by 2030. We also think the sustainable development goals just established and that now have to be implemented offer a huge opportunity to reach this goal. But let me slightly reframe the question. I think there are two elements currently in the world economy that do not work. One of them is our traditional belief

that you just have to have economic growth and it will trickle down automatically to all parts of society. What we have observed in the last 25 years is that growth has disproportionately benefitted the rich and the upper strata of society. For example, the average income of the richest 10% is about 9.5 times higher than that of the poorest 10%, and 25 years ago this ratio was only seven to one. In the US, for example, this ratio between the income of the richest people in society and the poorest is now 19 to one, and 25 years ago it was 12.5 to one. I very much agree with what Mr. Muller said, that this story does not apply to all countries. We see improvements in equality in some of the emerging and developing economies. For example, in Brazil there is a decline in inequality. In Russia there is some decline in inequality as well. But in most of the advanced economies you see that growth is not trickling down to all people and you have shrinking middle classes.

So there is an issue, because you cannot have economic growth and bring all people on board at the same time. We have done some research that shows that this increase in inequality also has a negative impact on growth itself, and that productivity is not advancing as much as it could. We have a slowdown in productivity growth, which is a problem for future growth potential. This is where your question about technology comes in. Technological change has benefitted high-skilled workers more, it has aided the increase in inequality, and it has also lowered some job prospects for lower-skilled people. We need to think about what we are going to do about that and we need to invest in people's skills, both to reduce inequality and also to raise the productivity potential in our societies. So these two things – the rise in inequality and the decline in productivity – are somehow interlinked and we need to re-face this double challenge and tackle it through concrete policies. I will leave it there for now.

И. Россиус:

Спасибо.

Здесь присутствует премьер-министр Мальты, хочу обратиться к вам. С какими проблемами в плане социального неравенства вы сталкиваетесь, как быстро находите решения, какие экономические программы применяете? Можно ли сказать, что за последние годы на Мальте удалось сократить социальное неравенство?

J. Muscat:

Thank you very much and good morning. I was very intrigued by the title of this session: How Best to Address Income Disparity Without Stifling Growth. I will start with what Mr. Muller was saying. It seems that there are two contrasting policy agendas when, I would say, there are not. If properly managed, they both go in the same direction.

I also think I will not enter into the debate on definitions of equality and all the rest, but we need to decide what we want. I can think of many societies where people are equal; they are equally poor. So I think the issue is not just equality, but equality within the context of a society, within the context of a region, and within the context of the international community. Let us put things into perspective.

I would totally agree that there is a need for economic growth in order to have sustainable equality. I can think of many programmes that can be adopted in many countries and that can achieve overnight equality in income, but which would not be sustainable in the long term, or even in the medium term. They would be totally reliant on artificial policy initiatives that cannot be sustained in the market economy. And the market economy is a reality that, whether we like it or not, we have to live in. We can regulate, but we cannot be antagonistic too. So, I am more interested in a debate on the regulation of market forces than in the destruction of market forces. I would argue that the two best policies for achieving equality are education and jobs. It has been proven that social mobility can be promoted through education and through the availability of jobs. This does not go against the fact that there is a problem with trickle-down economics. Trickle-down economics, as Mr. Schaal was

saying, has its limits and its problems. I think that is where a government with progressive aspirations comes in. That is where we are trying to position ourselves. We know that social justice without economic growth is unsustainable but, at the same time, economic growth without social justice is something we do not aspire to. They go hand in hand.

I come here as the leader of the smallest member state of the European Union, in terms of size, but at the same time, the most successful economy in Europe. We have just registered 6.3% growth in GDP. The predictions for our economy this year are more or less along the same lines. We have registered the lowest unemployment rates ever in our history, the third lowest unemployment rates in Europe, and the highest employment rates in Europe. We have achieved that through proactive programmes that go towards stimulating the labour market – programmes such as universal free childcare. We have a problem in that very few women, in our opinion, are participating in the labour market. This is mostly because of the Mediterranean mindset of thinking that women should raise kids, first and foremost. We addressed this issue by providing free childcare for any family where the parents or single parents go out to work. That has liberated a huge number of women, given the size of our economy, to go into the labour market. And you know what? Most of those women were previously on benefits, previously on the verge of poverty. Now, because they have a job and a wage, they are out of poverty. That is very tangible proof of how a policy can stimulate the job market and stimulate people to move from benefits to work without punishing them, but by motivating them. It shows that results can be achieved in a relatively short period of time.

Here is a second example – and I will give only three examples – of how we combated all this. As in most of Europe, when you dissect our unemployment figures, you will find that the biggest problem is in youth unemployment. We managed to decrease youth unemployment by 40% in just two years. That is basically due to one simple programme, the Youth Guarantee, which means that we micro-targeted all those young people, all the 16-year-olds who left school and did

not have a job. We created programmes where we would say: “Okay. You either continue the education pathway or we will give you training. At the end of that training programme, you will be fit to go into a job, probably, and have the skills that our labour market requires, or you will go back into education because you will see that you can further your career.” That is working wonders: 40% in just two years is quite a significant number. These were people who were on their way to graduating as lifetime benefit recipients. They were people who would go on benefits at 16 and would continue on benefits until 65 and older.

The third sector at risk of poverty consists of people with disabilities who receive a pension and benefits, but those benefits are simply not enough for them to lead a decent life. We implemented a law that was just a piece of paper for the past 30 years in our country, where enterprises which employ more than 50 people are made to employ a percentage of disabled people. Those enterprises who say “well, we cannot because our system does not allow that” are made to pay a contribution, which is used to train persons with disabilities to enter the labour market. That has an economic function, but it also has a social function, as it gets people interacting with the rest of society rather than isolating people with disabilities. So these are three very concrete and simple policy initiatives that do not cost an arm and a leg but deliver results in the short to medium term.

Having said that, I want to make one final point. This does not mean that benefits are there only for frauds, or that whoever is on benefits has a problem or is stealing from society. There are a substantial number of people who genuinely cannot work, who genuinely have problems. The benefits need to be there for them, not only as a safety net but also to ensure – and that is our next big social challenge – that people who are on benefits have an adequate level of income that does not put them on the verge of poverty or into poverty. Obviously, the issue would then be how to maintain the balance so that benefits do not become more attractive than work.

И. Россиус:

Большое спасибо. Мне особенно понравилось про женщин, которые вышли на работу, благодаря этому стали более обеспеченными, и неравенство сократилось.

У нас на сессии председатель правления ПФР Антон Дроздов. Как обстоят дела в России? Что можно сделать для низкообеспеченных людей с точки зрения социальной защищенности? Какие программы готовятся, какие идеи для снижения социальной полярности существуют?

А. Дроздов:

Спасибо, Ирина.

В современных экономиках признано, что главным двигателем роста является качество человеческого капитала. Социальное неравенство, как правило, дестимулирует экономическую активность людей, поэтому негативно влияет на экономический рост. Я согласен со Всемирным банком: если у нас будет устойчивый экономический рост, будет и меньше проблем с доходами населения. Как правило, экономический рост — явление циклическое, а высокие темпы роста не гарантируют, что исчезнут социальное неравенство и довольно высокий уровень дифференциации доходов. Необходимо развивать институты, которые нивелируют социальное неравенство, что мы и делаем в нашей стране.

В Российской Федерации соотношение доходов десяти самых высокодоходных категорий граждан и десяти наименее высокодоходных в 1,7 раза больше, чем рекомендовано ООН; этот показатель выше, чем в европейских странах, это проблема. Порядка 30% доходов сосредоточено у людей из 10% высокодоходных категорий, и только 2,2% всех доходов — у 10% самых низкодоходных.

Существует определенный набор мер в области доходов, можно говорить о налоговой политике. Например, в нашей стране принято справедливое

решение о более высоких ставках налогов на дорогие машины и объекты недвижимости. Политика в отношении заработной платы привела к увеличению зарплат бюджетникам, минимальный размер оплаты труда (МРОТ) вырос на 20%. Применяются и меры социальной политики. В Российской Федерации мерами социальной поддержки широко охвачены все категории граждан: у нас есть всевозможные виды пособий и для семей с детьми, и для работающих, и для малообеспеченных. Однако качество этих институтов нуждается в серьезном совершенствовании. Все пособия разделены на федеральные, региональные и муниципальные; только около 17% пособий, предоставляемых на федеральном уровне, имеют адресный характер, предназначены для малообеспеченных категорий. Остальные пособия в основном компенсационные, они не связаны с адресностью и нуждаемостью. Переориентировать эти средства на адресность и нуждаемость необходимо на уровне регионов и муниципалитетов.

В последние два года, с учетом высокой инфляции прошлого года, в реальном выражении снижается размер средств, направляемых на социальную политику. Перед нами убывающий пирог, и его нужно разделить наиболее эффективно. Мы обратились к опыту регионов, которые стали инвентаризировать меры социальной поддержки — всего их более 500 видов, и на региональном уровне используется порядка ста. После инвентаризации нужно отказываться от мер, не направленных на адресную помощь нуждающимся, нужно перераспределять средства для более нуждающихся категорий.

Мы решили создать глобальную систему, единую для всей Российской Федерации, которая помогла бы регионам более четко определить меры поддержки. Учетная система позволит увидеть, сколько различных видов социальной помощи со всех уровней бюджета и управления получает каждый человек. По нашим данным это приведет к ежегодной экономии около 3—5% средств, направленных на социальную поддержку. В Российской Федерации

на социальную поддержку направляется порядка десяти триллионов рублей, из них шесть триллионов — пенсии, а четыре триллиона — социальная политика, это серьезный ресурс. Система создается на базе Пенсионного фонда Российской Федерации — организации, выплачивающей не только пенсии, но и большое количество федеральных пособий. В ПФР через специальный номер учтены все граждане Российской Федерации. С применением новых технологий мы создаем единый реестр, который позволяет знать, сколько видов пособий и различных льгот приходится на каждого гражданина и какой у него доход. Федеральный уровень, регионы и муниципалитеты получают инструмент, который позволит им переформатировать и перераспределить средства от менее нуждающихся более нуждающимся людям. Мы считаем, что это серьезный шаг, серьезный путь, который позволит в условиях ограниченности финансовых ресурсов более эффективно использовать имеющиеся средства.

Проблема социального неравенства и дифференциации требует комплексных мер. Программа социальной политики рассчитана на два года, и она даст определенный эффект.

Спасибо.

И. Россиус:

Будем надеяться, что новые технологии сделают доступной адресность распределения социальных выплат, и каждый нуждающийся получит именно ту социальную поддержку, которая ему нужна.

Мы говорим, что необходим экономический рост, необходимы рабочие места, что каждое из государств делает все возможное для экономического роста, но случаются экономические кризисы.

Вопрос к Ярославу. На ваш взгляд, как нужно действовать, какую применять экономическую модель, чтобы быть успешными, чтобы с легкостью переживать экономический спад, чтобы были рабочие места, чтобы велась

правильная миграционная политика? Есть ли рецепт, как справиться с социальным неравенством?

Я. Лисоволик:

Большое спасибо, Ирина.

Я думаю, рецептов и моделей, чтобы справиться с этой ключевой проблемой мировой экономики, достаточно много. У каждой страны есть своя специфика; мы смотрим на успешный опыт других стран, но должны понимать особенности собственной экономической системы.

Состояние мировой экономики сейчас дает нам понять, что мы живем в эру так называемой новой нормальности, в эру более низких темпов экономического роста, для этого есть ряд причин. Сегодня участники нашей панели указывали на замедление темпов роста производительности труда. Можно отметить и другие факторы, например растущий протекционизм, который достигает рекордных уровней. Все чаще и чаще говорят о факторе неравенства, который становится все более острым. В последние годы от ведущих представителей мирового экономического, финансового сообщества мы слышали, что неравенство — это, наверное, один из ключевых негативных факторов для динамизма мировой экономики, для экономического роста. Об этом говорили и Бен Бернанке, и Алан Гринспен, об этом в последнее время все чаще говорят международные финансовые организации, в том числе Международный валютный фонд (МВФ). Доклад МВФ ясно показывает, что рост неравенства — это негативный фактор для мирового экономического роста; и положительный импульс для экономического роста стран может дать увеличение доли дохода беднейших слоев общества.

Почему неравенство является таким негативным фактором для экономического роста? Можно обозначить несколько причин, одна из них — страна, которая испытывает экстремальные, очень высокие уровни неравенства, тратит много ресурсов на попытки преодолеть этот разрыв, и в

меньшей степени акцент делается на том, чтобы консолидированно осуществить прорыв к более высоким темпам экономического роста. Фактически идет концентрация на перераспределении ресурсов, а не на рывке в сторону модернизации, более высокого экономического роста.

Даже в названии сегодняшней сессии есть определенное зерно, определенное объяснение, почему неравенство может быть негативным для экономического роста. Оно негативно для социальной, экономической и политической стабильности, это негативный фактор для инвестиций как ключевого драйвера экономического роста. Снижается предсказуемость, возможность планировать инвестирование на среднесрочную и долгосрочную перспективу, и это ухудшает потенциал экономического роста. Когда неравенство приобретает экстремальный характер, такие параметры, как бедность и безработица, становятся хронически высокими, для их изменения нужно все больше и больше инвестиций со стороны государства.

Какие модели, чей опыт могут быть использованы для преодоления неравенства и активизации экономического роста? Мне кажется, что в последние несколько лет в этом контексте все чаще называется скандинавская модель, как одна из наиболее успешных. Посмотрим на позиции стран Северной Европы в международных рейтингах по показателям неравенства. Четыре страны Северной Европы входят в десятку стран с наиболее низким уровнем неравенства в мире. Пятая страна, Швеция, фактически балансирует на границе этой группы. При этом Скандинавские страны показывают достаточно неплохие темпы экономического роста. В текущем контексте можно привести пример Швеции, экономика которой сейчас растет: в течение этого года прогнозируется рост примерно 3,5%, в прошлом году он составил более 4%. Такие показатели мы видим и в некоторых других странах Северной Европы, что выглядит неплохо на общем фоне. Важно, что страны Северной Европы входят в число лидеров по человеческому капиталу. По позициям в ранкингах человеческого капитала некоторые страны серьезно

продвинулись в последнее время, например Финляндия — один из мировых лидеров с точки зрения образования. Наверное, скандинавскую модель не следует упрощенно сводить только к высоким налоговым ставкам, здесь есть компоненты, способствующие снижению неравенства и повышению качества жизни, которые могут быть связаны и с инвестированием в человеческий капитал.

Чтобы увидеть модель снижения неравенства, не обязательно далеко уходить от России. Можно посмотреть на ближнее зарубежье, например Казахстан, который за последнее десятилетие серьезно снизил уровень неравенства доходов. В 2001 году показатель неравенства по коэффициенту Джини составлял порядка 36%, сейчас он ближе к 26%, это очень серьезное снижение, приближающее к странам с достаточно низким уровнем неравенства. При этом Казахстан серьезно относится к проблеме развития человеческого капитала, существуют масштабные программы развития в образовательной сфере. Программа «Болашак» направлена на обучение специалистов за рубежом, с моей точки зрения, она может быть примером для России в области развития человеческого капитала.

Я абсолютно согласен со спикерами: к мерам для снижения неравенства возможен только комплексный подход, потому что сама проблема основывается на целом ряде факторов. В России это и региональное неравенство, и отраслевое, и структурное неравенство, связанное с недостаточной развитостью малого и среднего бизнеса. В денежно-кредитной политике мерой против неравенства может быть снижение инфляции, потому что инфляция особенно негативно воздействует на беднейшие слои населения; в фискальной политике можно рассмотреть введение прогрессивной шкалы налогообложения по подоходному налогу. В этом направлении развиваются страны нашего региона и Центрально-Восточной Европы. Скажем, Словакия несколько лет назад перешла от плоской шкалы на систему прогрессивного налогообложения, после чего фискальные показатели

там не ухудшились, а скорее улучшились. Должны применяться и структурные меры: диверсификация регионального отраслевого развития, стимулирование малого и среднего бизнеса.

Последнее, о чем я хотел бы сказать, — важность фактора равенства возможностей. Ключевая проблема мировой экономики состоит в том, что на проблему неравенства доходов накладывается проблема неравенства возможностей, они умножают друг друга, в результате происходит кумулятивный рост неравенства. Именно об этой проблеме еще в 18 веке говорил один из родоначальников экономической теории капитализма Адам Смит. По его мнению, одна из ключевых угроз в рамках развития капитализма — кумулятивный рост неравенства. Это контекст, в котором мы живем, и с ним надо сегодня работать в приоритетном порядке.

Спасибо.

И. Россиус:

Большое спасибо.

Я хочу вернуться к проблеме обеспечения равного доступа. Мы говорили про образование, но не надо забывать и про здравоохранение, потому что это также важный аспект в сокращении социального неравенства.

У меня вопрос к господину Костанцо: как государствам обеспечить равный доступ к медицинским услугам? Какие успешные практики уже существуют?

J. Costanzo:

Thank you. Yes, we have heard a lot today about economic equality and inequality, and my job now is to make all of you here think about health, to think about the health of your populations as you think about improving the economic situation in your countries, and to think about reducing inequality. We know for sure, through many years of data, that the higher the inequality in a country's financial situation, the greater the health risks. In countries with a lot of inequality, there are a huge

number of readmissions into hospitals, life expectancy is lower, infant mortality is higher, and all of these are directly related to financial inequality.

However, what we have also seen is that many times this comes along with inequality of access to care as well. And so, getting access is important. Unfortunately, what we have also seen is that increasing access to care and increasing financial equality does not have as big an impact on the health of your population as you would imagine. In fact, it leads to very little improvement in health in the short term. Over time, it will absolutely improve healthcare. However, you have to drive education and you have to drive other programmes along with that economic growth in order to actually affect the health of your population. So, one of the things that is really important and, I believe, something we should all consider, is to have a government policy of what we refer to as “health in every policy”. In other words, take into consideration the health of your population in every policy that the government makes, both economic and social, and try to determine what impact you can have on the health of your population through that policy. If you are designing, developing, or implementing a new community, how should that community be laid out? What access should there be to healthcare facilities? What access should there be to education? What are the food choices in the particular area? All of these can be driven through government policies that will ultimately drive health and improve the health of your population.

We have seen this happen in several places. We heard about the Scandinavian countries just a second ago. Finland is a great example of a country where the health in every policy approach has really helped a lot. In the 1970s, Finland had the highest rates of cardiovascular disease in the world. They put in place several policies that related to education, workforce, encouragement of healthy lifestyles, and encouragement of food choices. They also went out into the labour market and really drove this education. By 1995, which is not very long when measuring healthcare results, they had reduced those cardiovascular disease rates in the male population by over 73%. And they have continued to reduce the instances of

cardiovascular disease in the male population by 8% a year ever since, all through government policies.

We have also seen that, as governments determine which parts of healthcare they want to be responsible for and which parts they want to push out to the private sector, this is an absolute way to drive economic growth and still help your population. So, if you look at telehealth, mobile health, things of that nature, these are areas where many private organizations would love to get involved, and would love to come in and drive growth. In a country like Ghana, as an example, a very simple, low-cost programme was put in place by the government to use text messaging, phones, and mobile technology to help people out in the country. That was combined with local advocates being hired through a government programme, which drove economic growth in those regions for those people who were employed to do this, but also, through the text messaging and the interaction with local individuals, allowed them to significantly change the healthcare results in their country. This was very, very low-cost, but they took health into consideration in all their policies.

So, I know that increasing economic growth and reducing inequality is very difficult. I am not an economist, so the people on the panel are way more intelligent about this than I am. I am here to really encourage you to not forget about the health of your populations as you start to go down this path. As you reduce inequality, make sure the education is there, the access is there, and that health is in every policy you have. Thank you.

И. Россиус:

Большое спасибо.

Здесь присутствует и профессор Фарха, который занимается проблемами социального неравенства в арабском мире, где в последнее время было много потрясений. Расскажите нам, как обстоят дела в этой сфере?

M. Farha:

Thank you, Ms. Rossius. It is a pleasure to be here and I will be as brief as I can.

Actually, I am going to go a bit further than that, and even compare the inequality in the US and the Arab world. If you look at the last 10–20 years, the two seminal events have been the US financial crisis in 2008 and the Arab uprisings after 2011. At first blush, you might not see a connection between the two, but I will make the case that you do. In both cases, in the United States and in the Arab world, we have seen a very pernicious polarization. In the United States, it has been one between Wall Street and the rest of the country, Main Street. And in the Arab world, it has been largely between the petrol states – the Gulf states, such as the one I come from, Qatar – and the rest of the Arab world. I will make a very controversial statement here and say that I do not think that inequality in and of itself is the problem, even though I am against inequality. The problem is the percentage of a population that lives in absolute poverty, and even that alone is not the problem, as the Prime Minister of the Republic of Malta pointed out. The problem is, in a revolutionary stage, if a percentage of the population falls from the middle class into that stage of absolute poverty. So, for instance, in Qatar we have billionaires and millionaires. If you are a millionaire and your neighbour is a billionaire, that will not cause a revolution. But if you are in a situation in Egypt or elsewhere, where suddenly you fall out of a very tenuous middle class into poverty, that of course is a huge problem.

Here you see that in the United States, as you know, inequality has reached historic heights. The last time we had inequality rates this high was during the Great Depression. So this is kind of a dangerous situation, especially as, I repeat, it is not necessarily that there is inequality, but it is the fact that more people in America now depend on food stamps than ever before. You see here that after the financial crisis in 2008, as you all know, the money supply via the Federal Reserve, Mr. Ben Bernanke and others, was expanded – monetary easing – and this brought in its wake a very precipitous rise in food prices. I make the case in that article that this

was one of the causes behind the Arab uprisings in 2010. For instance, a country like Egypt, which is the biggest importer of grain in the world, had to suddenly foot a much higher bill and this, then, was the straw that broke the camel's back. If you look at the next slide, you see here that the countries on the right are the ones that have the least unemployment and the countries on the left have the highest youth unemployment. You also have the GDP per capita, and so you can see the risk profile of the Arab states. So, if we look at the Arab world, it is a divided world. You have the Gulf states, which are doing quite well still, even with the oil crisis we are having now, which is putting a strain on them. And then you have the rest, where you have this massive unemployment.

To keep it very brief: how do I see a solution to this in a macro world? Well, the problem with this unemployment and polarization in both the United States and the Arab world, especially in the Arab world, has been that it has led to terrorism and war. The states have, unfortunately, devoted a lot of their money to these wars, which has drained vital resources from other sectors such as education, the public sector, healthcare, etc. Healthcare in Qatar, for instance, was recently scratched for some. So this is a very vicious cycle. We have a situation where you have this polarization in the financial sphere in America and between oil and non-oil states in the Arab world, which has led to tension, war, and investment in war, compounding the unemployment in the Arab world and underemployment in the United States.

It sounds like a gloomy picture right now, but I think we have to realize that it is not coincidental that we are seeing these developments politically in the US and the Arab world, in light of the historic inequality.

И. Россиус:

Большое спасибо.

Вопрос Леониду Григорьеву, который является профессором, руководителем департамента мировой экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Вы ратуете за

социальные лифты. Скажите, пожалуйста, как социальные лифты помогают решать проблему социального неравенства и предотвращать негативные реакции?

Л. Григорьев:

Спасибо за приглашение, очень приятно быть на такой блестящей панельной сессии.

Начну с того, что мы делаем. Я нахожусь тут в двух шляпах. В НИУ ВШЭ мы со студентами изучаем проблему социального неравенства в мире, первая наша работа была презентована в Сан-Паулу в 2011 году на International Political Science Association. Мы показали не усредненный мир неравенства, а выделили группы стран. В НИУ ВШЭ на политологии я читаю курс по разнице между англосаксонскими, континентальными европейскими и азиатскими рыночными экономиками. Для России в прошлые годы в Аналитическом центре при Правительстве Российской Федерации мы выпустили два доклада по развитию человеческого капитала, сейчас будем делать третий. Раньше в России это делала United Nations Development Programme (UNDP). Мы подробно рассматриваем и внутреннюю часть, в том числе регионы, и внешнюю.

Два слова о России. В результате приватизации 1990-х годов у нас очень высокое неравенство в доходах, если сравнивать с другими странами, мы совпадаем с Аргентиной. Специфика в том, что в Латинской Америке слабые вертикальные лифты. Мы хотим попасть в скандинавскую модель, а самое низкое неравенство в Дании, где на богатый дециль приходится 21% дохода. Мы в основном работаем с показателями дохода и богатства по децилям, потому что коэффициент Джини ненадежен в ряде случаев. Разумеется, у них высокая корреляция.

Напомню, что самое низкое неравенство в Дании, Скандинавии, а самое высокое — в Южной Африке, потом Боливии, Бразилии. Показатели России не

самые высокие — у нас на богатый дециль приходится порядка 30% видимых доходов.

Смысл социальных лифтов состоит в том, что у тебя есть шанс, есть предсказуемость: если ты работаешь, ты поднимаешься в течение жизни. Если мы хотим попасть в скандинавскую модель, мы должны из Аргентины сначала попасть в англосаксонскую модель, скажем, США или Англию, оттуда перебраться на континент, где мы попадем в родственные страны — Средиземноморье, Испанию, Балканы, оттуда двигаться на север.

Почему это важно? Вопрос: на каком уровне живут люди? В России представлено фактически три-четыре образа жизни: сверху «куршевельский», затем примерно 30% состоятельных людей, уже похожих на средний класс. Да-да, 30%, это поддается счету. В 2010—2014 годах был колоссальный потребительский бум, ни мы, ни даже пропаганда его не заметили. Показатель доступа к Интернету подскочил с 30% до 72%, даже в бедных регионах на 100 семей стало приходиться 100 компьютеров, в богатых — по 150, мы вышли на соотношение 70 машин на 100 семей. Кое-что у нас было, благодаря чему мы легче переносим этот кризис.

Аналитический центр исследовал ситуацию с продовольствием практически по всем регионам и в июне выпустит бюллетень. В номинальных деньгах люди сократили покупку продовольствия, немного, но сократили почти везде. С учетом инфляции дела обстоят тяжелее. Мы знаем, что увеличилась бедность, в основном в семьях с большим количеством детей. Для нашего кризиса неравенство важно.

Вернемся к социальным лифтам, к вопросу модератора панели. Вступая в жизнь, люди должны видеть перспективы. С Куршевелем понятно, чтобы попасть в этот круг, ты должен иметь наследство. Мы посмотрели (мы это делали и до Пикетти, и параллельно с Пикетти, потому что это интересно): очевидно, сам по себе экономический рост не ликвидирует неравенство. Во время подъема при высоких прибылях богатая часть населения реинвестирует

свои доходы, как сказали бы наши марксисты, из прибавочной стоимости. Они реинвестируют доходы именно во время подъемов, не перераспределяют вниз, а уходят вверх. Поэтому во время кризиса формально по доходам распределение снижается.

В России нужно оказывать социальную помощь бедным, об этом уже говорили, больше не прибавить. Вопрос: кто между Куршевелем и бедным, которому мы помогаем разными способами? Идеальная скандинавская модель — на другом уровне развития, даже они ее не выдерживают и отходят от нее, по крайней мере в части налогов, хотя на ее базе успели сформировать образование и многие другие позитивные вещи.

На Тайване есть хороший термин — «умеренный достаток», нам нужно стремиться создать что-то подобное. Человек должен иметь перспективы: если в России он окончил школу или колледж, у него будет примерно такая работа, примерно к такому возрасту он будет с квартирой, с машиной, не будет бедствовать. Такая система у нас еще не достроена: мы то полагаем, что люди сами заработают, то начинаем им помогать. На мой взгляд, нам нужно разрабатывать стратегии социального развития для всех людей.

Еще один момент, о котором мне хотелось сказать, — неравенства в мире совершенно разные. В англосаксонских странах существует огромное неравенство, кстати, формально похожее и на российское, и на латиноамериканское, но действуют сильные социальные лифты в течение жизни. Европа более равномерна, с высокими налогами, но динамика там гораздо ниже. Мы изучали связь распределения доходов с распределением богатства. Конечно, данные по богатству не очень хорошие, но я напомним, что даже в странах со сравнительно плоским распределением доходов распределение богатства все равно огромное. Доля богатого дециля превышает 60% богатства, даже если у него 25% дохода. В странах, где у богатого дециля больше 30% доходов, доля богатства у него выше 80%, это

верно и для России. Таково устройство мира, которое не может быть изменено, эти отношения очень инерционные.

Вернусь к теме нашей панели и скажу, что очень важна предсказуемость. Социальная нестабильность возникает не из самого неравенства. Конечно, за 100 лет со времен пролетарских революций и агрессивного марксизма в коммунистическом манифесте нашли наконец рассуждения Маркса о важности среднего класса. В его времена, к сожалению, старый средний класс исчезал, а нового он еще не предвидел, тот появился на 50 лет позже, но, по крайней мере, он понимал его важность. С того времени изменилось главное: даже бедные, кто формально на дне общества в рамках этого распределения, живут уже совсем не так, как при Марксе. Они уже не являются совершенно обнищавшими. Экономический рост поднял все население мира, особенно в развитых странах, поэтому, на мой взгляд, надо внимательно изучить, как формируется средний класс.

Для мира это тоже имеет значение. Мы изучали арабские страны, я регулярно летаю в Саудовскую Аравию, в основном по нефтяным делам. Формирование арабского мира мы рассматриваем отдельно, это интересная тема.

Мы должны смотреть, как экономический рост не просто превращается в подъем уровня развития с растяжкой по миру между странами, в смысле расстояния между бедными и богатыми странами, если убрать Китай (мы можем прислать исследования на эту тему, сделанные на английском и на русском), но как он абсорбируется через социальные лифты в устойчивость в середине общества и как поднимается и постепенно сокращается та часть общества, которая находится не просто в тяжелом, а в безнадежном материальном положении.

Наверное, нам не грозят восстания первого, бедного дециля, но влияние на политические процессы, влияние на социальную нестабильность все равно есть.

Как превратить экономический рост не только в решение макроэкономических или национальных инфраструктурных проблем, а в способ сокращения неравенства? Повторяю — не формально кому-то что-то отдать, а дать ему шанс заработать — эта задача остается очень важной и для мира, и для России.

Спасибо.

И. Россиус:

Спасибо.

Мы успели уложиться в отведенное нам время. Конечно, для преодоления социального неравенства важны экономический рост и равный доступ к благам для каждого. Можно ли это осуществить — посмотрим, время покажет. Важны также и правильная социальная политика, правильная социальная программа государства.

Огромное спасибо, что пришли, высказали мнения.

У нас есть вопрос из зала.

Из зала:

Мой вопрос Джиму. Он сказал, что для ликвидации неравенства важно здравоохранение. Вы консультируете разные страны в вопросах здравоохранения. В США, где из государственных источников тратят на здравоохранение как минимум 8% ВВП, чтобы увеличить его доступность для тех, кто не имеет медицинской помощи, ввели прогрессивную шкалу, так называемый налог на «кадиллак».

Россия сегодня тратит на здравоохранение из государственных, общественных источников 3,5%. Для таких стран, как Россия, доказано, что ожидаемая продолжительность жизни — интегральная характеристика здоровья — в зоне финансирования здравоохранения напрямую зависит от 500 до 2 000 долларов по паритету покупательной способности. Другими

словами: даешь общественные деньги — ожидаемая продолжительность жизни растет.

Скажите, пожалуйста, с вашей точки зрения, какое оптимальное финансирование здравоохранения из государственных или общественных источников должно быть, чтобы обеспечить доступ к бесплатным медицинским услугам?

J. Costanzo:

Thank you for the question. I think that the funding for healthcare really does depend upon the government's perspective on health. I have seen some good results in many countries that are 100% government funded. Those countries are in different economic situations than the situation here, locally. And so, I personally believe that the best model is a combination of public and private funding to drive health in a country. I think governments should work with the people to understand and agree upon what benefits and what services they will provide to all citizens – what that minimum level of service is.

From the audience:

Say a number: is it 3%, 6%, 7%?

J. Costanzo:

I think that it really does depend. I am not going to give you a number. I know you want me to, but I think it is really important to determine what that is, and then work with private and international investors to fill the gap for the other areas. In Brazil, for example, there is public and private insurance, and most people use their public and private insurance interchangeably, depending on whether they have private or not. There is also legislation that demands that outcomes be the same for public and private insurance in Brazil. This is very interesting. However, once you leave the facility, then outcomes do not exactly stay the same, because people who do

not have private insurance have a harder time coming back. In addition, if there is a catastrophic case, most people, even if they have private insurance, go back through the public system because they can get that funded more appropriately through the government.

So I think that you see models all around the world that are very different, and they are largely based upon the economic situation of that particular country and what works for them. No one has got this right yet. The United States does not have the model. I will leave it there for now. We can talk about this afterwards. That would be great.

Из зала:

У меня один вопрос из двух частей. На первую, наверное, никто не ответит. В какой стране больше всего долларовых миллиардеров в отношении к объему ВВП? Например, на 100 миллиардов долларов ВВП. Ответ: до войны — в Украине, Россия на втором месте. Показатели значительно выше, чем в Швейцарии, Швеции и так далее.

Второй вопрос Леониду Григорьеву и остальным. Здесь обсуждается децильный коэффициент, но для нашей страны, а может, и для других развивающихся стран, важнее центильный коэффициент — доходы 1% сверхбогатых. Вопрос: какой реальный доход имеет 1% сверхбогатых в России по отношению ко всем доходам, не официальный, а полностью рассчитанный? Это вопрос Антону Дроздову и Леониду Григорьеву. В сравнении, например, с США. Есть ответ? Не слышу.

Л. Григорьев:

Мы знаем ответ для России. Вы хотите содержательный ответ?

Из зала:

Я хочу знать, какой доход имеет 1% населения.

Л. Григорьев:

Вы хотите, чтобы мы ходили сюда со статистикой? Зачем вам это?

Из зала:

Ответ один: если 1% имеет у нас примерно 40%, а в США — 20% доходов, то мы близки к Великой депрессии 1929 года, это проблема.

Л. Григорьев:

Мы работаем с официальной статистикой, в которой не можем учесть скрытые доходы — мы их формально не знаем, но они, видимо, большие. По официальной статистике в России на десятый дециль приходится примерно 35% видимых доходов. Один процент, о котором вы упоминаете, является частью этого дециля, поэтому у него не может быть 40% видимых доходов. Наши олигархи имеют доходы, которые не попадают в нормальную статистику, — такова специфика приватизации и нашей страны, мы это понимаем. Эти доходы не учтены статистически. Можно отдельно обсуждать, насколько наши олигархи круче, чем другие олигархи. Повторяю, во всем мире невозможно учесть ни последние, самые бедные 5% населения — непонятно, что у них есть, они не попадают ни в какие переписи, ни этот 1% самых богатых людей, он нигде не учтен. Международные сравнения по скрытым доходам — это отдельная интересная работа, *investigative journalism*. Это задача для журналистов, а не для статистиков и ученых.

И. Россиус:

Огромное спасибо, вопросы из зала больше поступать не будут. Благодарю всех за интересные доклады и участие в этой прекрасной сессии.